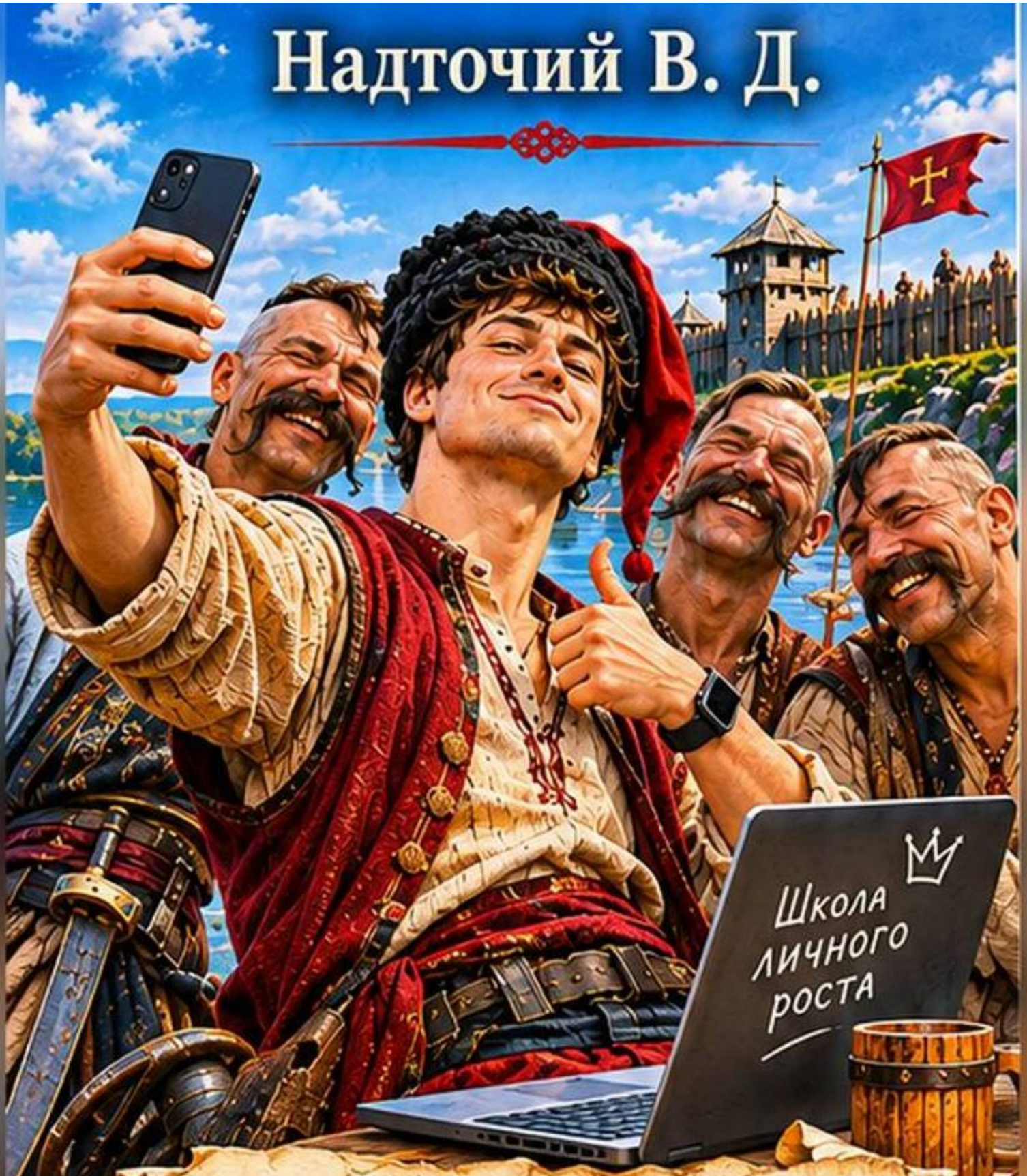
Надточий В. Д.



Московский попаданец

ИНФОЦЫГАН НА ХОРТИЦЕ

18+

РОМАН

Владислав Надточий

Московский попаданец. Инфоцыган на Хортице

«Автор»
2026

Надточий В. Д.

Московский попаданец. Инфоцыган на Хортице /
В. Д. Надточий — «Автор», 2026

Что произойдёт, если московский инфоцыган попадёт к запорожским казакам? Можно ли продать «успешный успех» князю Байде? И как защитить крепость от татарской орды, если всё, что ты знаешь о войне, вычитал из учебника за седьмой класс?Ростислав Пряников — гуру личностного роста из Капотни. У него кредит, четыреста подписчиков и три покупателя марафона: мама, приятель и бот.Одна неудачная съёмка, удар молнии — и Ростислав оказывается на Хортице в 1556 году!Здесь не работают аффирмации, за пустые обещания можно получить саблей, а вместо лайков приходится зарабатывать уважение настоящих казаков.Он обучает казаков тактике на овцах, запускает франшизу, спорит с самозваным святым и пытается превратить XVI век в прибыльный стартап.А потом к Хортице подходит войско крымского хана. Впереди двадцать четыре дня осады.Сможет ли человек, всю жизнь продававший чужие мечты, совершить настоящий подвиг? Или его последний марафон закончится раньше первого занятия?

© Надточий В. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Марафон желаний 6
Глава 2. Улов 12
Глава 3. Успешный успех 20
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Владислав Надточий Московский попаданец. Инфоцыган на Хортице

Московский попаданец

Инфоцыган на Хортице
Надточий В. Д.

АННОТАЦИЯ

Он учил людей успеху. Казаки научили его жизни. Ростислав Пряников — эксперт по личному росту с кредитом, четырьмя сотнями подписчиков и марафоном, который купили мама, приятель по ошибке и бот. Ради эффектного ролика он надевает шаровары, приклеивает накладной оселедец и отправляется на съёмку. Одна молния — и вместо подмосковного пруда под ним уже Днепр. На дворе 1556 год. На Хортице князь Байда строит крепость, а казаки не понимают, чем им может пригодиться московский специалист по «успешному успеху». Чтобы заработать себе место у общего котла, Ростислав объясняет тактику по школьному учебнику, придумывает рекламу для перевоза, затевает франшизу и сталкивается с конкурентом — самозваным святым с Афона. Но когда к острову подходит войско крымского хана, прежние уловки перестают работать. Впереди двадцать четыре дня осады, в которых нельзя откупиться красивыми обещаниями. Сумеет ли человек, всю жизнь торговавший мечтами, наконец сделать что-то настоящее? «Инфоцыган на Хортице» — приключенческая комедия о попаданце, казацкой вольнице и самом неожиданном уроке личного роста.

Глава 1. Марафон желаний

Мой марафон «Внутренний казак: семь дней до несгибаемого характера» купили три человека. Мама, Вовка Синичкин и бот.

Маму я не считаю. То есть считаю, конечно, она полноценный клиент, оплатила по полному тарифу, четыре тысячи девятьсот девяносто рублей, и даже прислала скриншот чека с подписью «на удачу, сынок». Но мама купила бы у меня что угодно. Если бы я продавал воздух в банках, мама взяла бы три банки и одну подарила тёте Гале. Это не продажа. Это материнская любовь, оформленная через платёжную систему.

Вовка Синичкин купил марафон по ошибке. Он хотел оплатить шаурму у метро «Печатники», ткнул не в ту кнопку в телефоне и оказался участником моего закрытого чата. Он написал мне в одиннадцать вечера: «Ростислав, это чё за казак, верни деньги». Я ответил, что возврат средств противоречит философии роста. Человек, который просит деньги назад, сам себя ограничивает. Вовка ответил одним словом, которое я не буду здесь приводить, и вышел из чата. Потом вернулся. Потом опять вышел. За три дня он выходил и возвращался одиннадцать раз, и это была самая высокая вовлечённость в истории моего проекта.

Третьим был бот. Он оплатил марафон с карты какого-то банка на Каймановых островах, зашёл в чат, написал «Отличный контент! Зарабатывай от 300 000 в неделю, пиши в личку» и больше не появлялся. Я долго думал, не написать ли ему в личку. Триста тысяч в неделю мне бы пригодились.

Меня зовут Ростислав Игоревич Пряников. Мне двадцать три года, я живу в Капотне и называю себя экспертом по личному росту. Ростислав, личный рост, понимаете? Это я придумал в девятнадцать лет и до сих пор считаю лучшей своей идеей. Моя школа называется «Пряник», потому что в жизни должен быть не только кнут. На логотипе пряник в короне. Логотип рисовала мама гелевой ручкой, а Вовка за двести рублей перевёл его в вектор.

Образования у меня, если честно, нет. Девять классов школы номер одиннадцать и полтора курса колледжа гостиничного сервиса. Из колледжа я ушёл сам, на втором курсе, после практики в гостинице у Курского вокзала. Там я понял две вещи. Во-первых, люди в гостиницах всегда недовольны. Во-вторых, если сказать недовольному человеку «я вас слышу» таким голосом, будто вы вместе пережили войну, он успокаивается и даже оставляет хороший отзыв. Вторая вещь показалась мне важнее любого диплома. Я решил, что умею работать с людьми, и ушёл в свободное плавание.

Плавание пока было не очень. Если по-честному, я третий год плыл по кругу, как кораблик в ванной.

Ещё у меня есть кредит. Его история такая: в двадцать один год я купил курс «Миллион из ничего» у Арсения Златова. Златов большой человек, у него восемьсот тысяч подписчиков, белые зубы и фотографии на фоне вертолёта. Вертолёт, как потом выяснили люди в комментариях, стоит в музее авиации, и сфотографироваться с ним может любой желающий за триста рублей. Курс стоил сто сорок тысяч. Из ничего, как и обещали, получилось ничего. Кредит я плачу уже второй год. Златов за это время купил себе ещё один вертолёт, тоже, по-видимому, музейный.

Но я не сдаюсь. Главное правило успешного успеха: не сдаваться. Второе главное правило: если всё-таки сдался, назови это стратегическим разворотом.

Утро у меня начинается с аффирмаций. Я встаю перед зеркалом в прихожей, расправляю плечи и говорю:

— Я притягиваю деньги. Я притягиваю возможности. Я притягиваю…

— Ростислав, притяни мусор до лифта, — говорит мама из кухни.

Мама у меня мастер маникюра. Принимает клиенток на дому, в бывшей моей детской, где теперь лампа, вытяжка и кресло, похожее на зубоврачебное. Клиентки ходят к маме по пятнадцать лет, рассказывают ей всё про мужей, дачи и давление, а мама слушает, кивает и красит. Никакой рекламы у неё нет. Ни сайта, ни страницы, ни логотипа. Вывески тоже нет. Есть тетрадка с записью клиенток и очередь на три недели вперёд.

Я как-то раз предложил маме сделать ей воронку продаж.

— Зачем? — спросила мама.

— Чтобы клиентов было больше.

— Куда больше? У меня две руки, Ростислав. Ко мне и так Люда из сорок восьмой квартиры записывается на август.

Я тогда долго ей объяснял про масштабирование, про франшизу, про пассивный доход. Мама слушала, кивала и красила ногти Люде из сорок восьмой. Люда в конце сказала: «Нин, а твой-то умный какой». Мама ответила: «Умный. Только мусор не выносит». Так прошла моя первая и последняя презентация для малого бизнеса.

Ещё у нас живёт кот. Его зовут Дедлайн. Назвал его я, когда мне было семнадцать и я как раз прочитал первую книжку про тайм-менеджмент. Кот оказался полной противоположностью своему имени: он ничего не торопит, никуда не приходит вовремя и спит по двадцать часов в сутки. Мама говорит, что Дедлайн это мой тотемный зверь.

Папа у меня лифтёр. Они с мамой развелись, когда мне было двенадцать, развелись мирно, по-человечески, без битья посуды. Папа теперь живёт в Люберцах, ездит на рыбалку на Москву-реку и каждый раз, когда я рассказываю ему про свой бизнес, говорит одно и то же:

— Ростислав. Лифт или едет, или не едет. Всё остальное разговоры.

Папа в моих подписчиках не состоит. Он вообще не знает, что такое подписчики. Зато он знает все лифты Люберец по именам. Ну, не по именам, по номерам, но говорит про них так, будто это родственники.

Подписчиков у меня, кстати, было четыреста двенадцать. Из них живых, по моим подсчётам, около ста. Из живых сто человек примерно тридцать были мамины клиентки, которых мама подписала на меня, пока у них сохнет лак. Ещё человек двадцать бывшие одноклассники, которые подписались, чтобы смеяться. Остальные неизвестно кто. Кто-то, видимо, верил в меня. Или просто не нашёл кнопку отписки.

В тот вторник, двадцать шестого мая, у меня был важный день. Я ехал на съёмку.

Идея пришла ко мне неделей раньше, в маршрутке. Я смотрел, как молодой парень в спортивном костюме уступает место бабушке, и вдруг подумал: вот чего не хватает современному мужчине. Не хватает казачества. Воли, удали, шаровар, сабли и чтобы степь. Современный мужчина сидит в офисе и боится начальника. А казак никого не боялся. Значит, нужен марафон, который разбудит в человеке внутреннего казака.

К вечеру того же дня у меня была готова структура. День первый:

«Оседлай
себя».

День
второй:

«Шаровары возможностей». День третий: «Чуб как символ фокуса». Четвёртый, пятый и шестой я сочинил в метро, а седьмой назывался «Сечь в голове» и был задуман как кульминация. На седьмой день участник должен был, по моей задумке, отрубить себе всё лишнее. Мысленно.

Марафон я запустил сразу, без рекламы. Потому что Златов учил: сначала продай, потом сделай. Продал трём, как вы уже знаете. Сделать оставалось всё.

Теперь нужен был ролик. Хороший, яркий, с атмосферой. Я нашёл в интернете этнопарк «Дикое поле», в сорока километрах от Москвы по Каширскому шоссе. Там были мазанки,

плетень, колодец-журавль, конюшня с тремя лошадьми и пруд, на котором стояла настоящая, как писали на сайте, «копия казачьей лодки-чайки в натуральную величину». Ещё там давали напрокат костюмы. На фотографиях в костюмах стояли улыбающиеся семьи с детьми, а над ними висела надпись: «Почувствуй себя запорожцем!»

Я позвонил. Ответил мужчина с усталым голосом, представился Тимуром Альбертовичем, директором.

— Съёмка? — спросил он. — Свадьба?

— Контент, — сказал я. — Я эксперт по личному росту. Снимаю ролик для марафона.

— Понятно, — сказал Тимур Альбертович. Судя по голосу, ему действительно всё стало понятно. — Три тысячи за вечер. Костюм отдельно, пятьсот. Лодка с вас ещё пятьсот, там вёсла хорошие, не потеряйте. Лошадей не дам, лошади у нас для детей.

— А почему не дадите?

— Потому что вы эксперт, — сказал Тимур Альбертович и положил трубку.

Я прикинул бюджет. Четыре тысячи на этнопарк, проезд, плюс надо было купить новую батарею для кольцевой лампы. Итого почти всё, что заплатили мама и бот. Деньги Вовки я честно отложил, на случай, если он всё-таки дойдёт до суда.

— Ростислав, — сказала мама, когда я собирал сумку. — Ты куда на ночь глядя?

— Не на ночь, мам. На закат. Закат даёт тёплый свет, это основа визуала.

— А пообедать?

— Я на интервальном голодании.

— Ты на интервальном голодании потому, что у нас до пятницы одна гречка, — сказала мама и сунула мне в сумку пакет с двумя бутербродами и пряник. Обычный, тульский, с повидлом, в прозрачной обёртке. — Это тебе. Для бренда.

Я хотел обидеться, но пряник был тульский, а я с детства их люблю. Положил в боковой карман.

В сумку ещё пошло вот что. Телефон, конечно. Кольцевая лампа на складном штативе, большая, сорок пять сантиметров, с регулировкой яркости и тремя цветами света. Пауэрбанк на солнечных батареях, который я купил на распродаже, потому что продавец сказал, что с ним можно жить в тайге. Петличка. Маркер для доски, неизвестно зачем, просто он всегда лежал в этой сумке. Моя книга.

Да, у меня есть книга. Называется «Взлёт с нуля». Я её написал за десять дней и напечатал в типографии у метро тиражом двадцать экземпляров, в мягкой обложке, потому что твёрдая была дороже. На обложке я в пиджаке, со скрещёнными на груди руками, на фоне неба. Небо я вырезал из чужой фотографии, а пиджак взял у Вовки. В книге сто двенадцать страниц, крупным шрифтом. Восемнадцать экземпляров до сих пор лежат у меня под кроватью. Один я подарил маме, а один всегда ношу с собой, на случай, если встречу инвестора.

И ещё учебник. Это отдельная история. За два дня до съёмки я решил, что для марафона нужна историческая база. Надо же знать, кто такие казаки, где воевали, кого побеждали. Я пошёл к соседке, тёте Гале, у которой внучка Соня закончила седьмой класс, и попросил на время учебник истории. Тётя Галя дала. Учебник был за седьмой класс, тяжёлый, в обложке с картинкой, а внутри на полях Соня всё разрисовала. Казакам на портретах она подрисовала очки, а одному гетману корону и подпись «котик».

Я прочитал учебник за вечер, со скоростью человека, который читает инструкцию к стиральной машине, когда машина уже течёт. Что-то запомнил. Многое перепутал. Учебник положил в сумку: вдруг в кадре пригодится, для солидности.

До «Дикого поля» я добирался на двух автобусах и пешком через поле. Поле было, кстати, вполне дикое: крапива по пояс и тропинка, протоптанная, видимо, такими же экспертами. У ворот висела деревянная табличка со стрелкой: «Сечь — 200 м». Под ней ещё одна, поменьше: «Туалет в Сечи».

Тимур Альбертович оказался лысым, грустным мужчиной лет пятидесяти в жилетке с карманами. Он посмотрел на меня, на кольцевую лампу, на мою сумку и вздохнул так, как вздыхают люди, которые давно перестали ждать от жизни чего-нибудь хорошего, но всё равно каждый день открывают этнопарк.

— Костюм, — сказал он и вынес мне из мазанки свёрток.

В свёртке были красные шаровары, широкие, как парус, на резинке. Белая рубаха с вышивкой. Синий жупан, по размеру на человека, который в два раза больше меня. Широкий пояс-кушак. Пластмассовая сабля в пластмассовых ножнах. И отдельно, в пакетике, как полезный сувенир, лежал накладной оселедец.

Оселедец, если кто не знает, это чуб на бритой голове. Длинная прядь на макушке, которую закручивают за ухо. Мой оселедец был из синтетики, чёрный, длиной сантиметров сорок, и крепился к голове на липучку. Липучка была на резинке, резинку надо было натянуть на голову, как налобный фонарик. Получалось, что у меня под оселедцем свои волосы, а на волосах резинка. Выглядело это, скажем прямо, на любителя.

— Он держится? — спросил я.

— Если не прыгать, — сказал Тимур Альбертович.

— А если прыгать?

— Тогда не держится.

— А сапоги?

— Сапоги в стирке, — сказал Тимур Альбертович. — Сапоги у нас детские. Вам в ваших кроссовках можно, в кадре всё равно не видно, вы ж в лодке.

Я переоделся в мазанке. Шаровары натянул прямо поверх джинсов, потому что они были такие широкие, что туда бы поместились ещё джинсы моего папы. Рубаху надел поверх футболки. Жупан сверху. Кушак обмотал три раза вокруг пояса, а он всё равно свисал до колен. В кармане жупана, внутреннем, глубоком, нашлось место для телефона и для пряника. Книгу и учебник я засунул в сумку через плечо, сумку повесил на грудь. Оселедец прилепил.

Из маленького зеркала в мазанке на меня смотрел человек, которого трудно описать. Если бы казака собирали в магазине по частям, а инструкцию потеряли, получился бы примерно такой.

— Отлично, — сказал я зеркалу. — Брутально.

Зеркало промолчало. Это я ценю в зеркалах.

Пруд был небольшой, но глубокий, с тёмной водой и камышами. Тимур Альбертович предупредил, что глубина в середине метра три, потому что пруд когда-то был карьером. Чайка стояла у мостков. Это была большая деревянная лодка, длинная, узкая, без киля, с плетёными бортами, обвязанными связками камыша. В ней было восемь скамеек для гребцов и уключины, и на носу, и на корме было по рулевому веслу. Пахла она смолой и сырым деревом. Я, конечно, не знал тогда, что так пахнут все настоящие чайки. Я думал, что это так пахнет копия.

— Вёсла не потеряйте, — повторил Тимур Альбертович. — В прошлом году один блогер потерял. Нырял за ним сорок минут.

— Нашёл?

— Нет. Утопил ещё телефон.

Я заверил его, что я не такой блогер, отвязал чайку и оттолкнулся от мостков веслом.

Грести в одиночку огромной лодкой на восемь человек, чтобы вы понимали, примерно так же удобно, как ехать одному в пустом автобусе и рулить им из салона. Чайка поворачивалась куда угодно, только не туда, куда мне было нужно. Минут через десять, весь мокрый, я всё-таки вывел её на середину пруда, бросил якорь (камень на верёвке) и начал устанавливать свет.

Небо к этому времени стало интересным. С запада, со стороны Каширского шоссе, ползла туча. Тяжёлая, тёмно-синяя, с жёлтым подбрюшьем, она медленно наваливалась на закат. Солнце било из-под неё снизу, и всё вокруг стало золотым и тревожным: камыш, мазанки,

вода, мои красные шаровары. Свет был такой, о каком мечтает любой оператор. Я понял, что у меня есть минут двадцать, максимум полчаса.

Штатив я поставил на скамью, закрепил кольцевую лампу, вставил в держатель телефон, включил запись. Встал на корме, расправил плечи, поправил оселедец.

— Друзья, — сказал я в камеру проникновенным голосом. — Сколько можно жить в шароварах страха?

Подул ветер. Оселедец взлетел и залепил мне глаз.

— Стоп. Дубль два.

Я поправил оселедец, закрутил его за ухо.

— Друзья. Пятьсот лет назад на этих землях…

Тут я остановился, потому что на этих землях пятьсот лет назад, насколько я понимал, был Каширский уезд, а никакие не казаки. Казаки были гораздо южнее, на Днепре. Я это знал, учебник я всё-таки читал.

— Стоп. Дубль три. Друзья. Пятьсот лет назад, на далёком Днепре, жили люди, которые не боялись ничего. Ни татар, ни турок, ни начальства, ни ипотеки…

Громыхнуло где-то за лесом. Я обрадовался: звук грома в кадре это бесплатная атмосфера.

— Их звали запорожцы. Они не ходили на работу, которую ненавидели. Они не ждали пятницы. Они брали саблю и шли за своей мечтой. И сегодня я научу вас, как найти в себе такого же казака. Всего за семь дней. Всего за четыре девятьсот девяносто. Ссылка в описании…

Тут ветер ударил по-настоящему. Чайку развернуло на якоре, как флюгер. Кольцевая лампа качнулась, штатив поехал по скамье, и я поймал его в последний момент. Из тучи упали первые капли, крупные, тёплые, по одной на квадратный метр. Камыш у берега лёг. На мостках Тимур Альбертович показывал мне руками что-то, что, вероятно, означало «немедленно к берегу». Или «вёсла не потеряй». Издалека было непонятно.

— Сейчас, — крикнул я ему. — Финальный дубль!

Я знал, что это будет лучший кадр в моей жизни. Буря, лодка, казак против стихии. Такой ролик посмотрят миллионы. Такой ролик посмотрит Златов и напишет мне в личку: «Брат, это мощно». Я включил на лампе холодный белый свет на полную мощность, чтобы лицо было видно на фоне тучи, вскочил на скамью, вскинул руку с пластмассовой саблей и закричал:

— Друзья! Буря — это не проблема! Буря — это возможность!

Молния ударила, как мне потом казалось, прямо в кольцевую лампу. Хотя, может быть, и не в неё, а куда-то рядом, в камыш, в воду, в железную скобу на носу чайки. Я не видел. Я только услышал звук, который невозможно описать, потому что он был громче, чем всё, что я слышал в жизни, вместе взятое. Как будто кто-то разорвал пополам небо, а потом ещё раз пополам. Всё стало белым. Белым было всё: вода, лодка, моя рука с саблей, мои шаровары. Сабля, кажется, расплавилась. Лампа точно горела, я видел, как она светит сквозь белое, ещё белее белого.

Потом лодка ушла у меня из-под ног.

Я помню, как падал спиной назад, в воду, медленно, как в кино. Помню, что успел подумать одну мысль. Мысль была такая: «Вёсла не потерять». Помню, как вода сомкнулась над головой, тёмная и неожиданно холодная, совсем не майская, не прудовая. Помню, что шаровары надулись, как два воздушных шара, и потянули меня куда-то вбок. Помню, что сумка на груди стала тяжёлой, и я подумал, что там учебник тёти Гали и книжка «Взлёт с нуля», и что тётя Галя меня убьёт, а «Взлёт с нуля» наконец-то пойдёт ко дну, как и предсказывали комментаторы.

Потом вода вокруг стала другой.

Я не знаю, как объяснить. Пруд стоял на месте, а эта вода шла. Она текла. Она была огромная, с силой, с течением, она тащила меня, вертела, и в ней было что-то живое и древнее, как в большой реке. Я вынырнул, глотнул воздуха и снова ушёл вниз, потому что жупан, набрав воды, весил как мешок картошки. Вынырнул снова. Над головой было серое небо, дождя уже не было, только ветер. И вокруг не было ни мостков, ни мазанок, ни Тимура Альбертовича. Была широкая, просто бесконечно широкая река с крутыми скалистыми берегами, вдалеке зелёный остров, а прямо передо мной, метрах в десяти, покачивалась долблёная лодка, в которой сидели два человека и смотрели на меня с таким выражением лица, с каким, наверное, мама смотрела на мой бизнес-план.

Я хотел крикнуть «помогите». Но рот был полон воды. Вместо «помогите» у меня получилось что-то вроде «буль». Потом мне на голову упала сеть, и я перестал думать о чём бы то ни было.

Глава 2. Улов

Очнулся я на дне лодки, лицом вниз, в рыбе.

Рыбы было много. Она была мокрая, скользкая, пахла рекой и шевелилась. Какой-то крупный лещ лежал у меня прямо на шее и бил хвостом по уху, как будто хотел привести меня в чувство. Сеть на мне всё ещё была, я лежал в ней, как в гамаке, только гамак этот был мокрый, тяжёлый и весь в чешуе.

Надо мной разговаривали двое.

— Глянь, Охриме, дышит.

— Бачу.

— Утопленник, а дышит. Може, водяник?

— Водяник в шароварах не ходит.

— А може, то водяникова жинка? Бо шаровары красные.

— Грицьку, — сказал второй голос, низкий и очень усталый, будто человек произносил это имя уже лет сто. — Жинки водяниковы вусов не носят. А у этого вусов тоже нет. Значит, не жинка и не казак. Значит, дурень.

Я хотел возразить, что я не дурень, а эксперт по личному росту, но вместо этого закашлялся, и из меня вылилось, по ощущениям, ведро воды. Лещ испугался и уполз к корме.

— Живой, — удовлетворённо сказал первый голос. — Дядьку Охрим, давайте его назад кинем, а? Он, может, речной. Его, может, Днипро прислал. Обидится Днипро.

— Днипро на тебя пятый год обижается, — сказал второй. — Вытягай.

Меня перевернули на спину. Сеть сняли. Я сел, привалившись к борту, и наконец посмотрел вокруг.

Надо мной было небо, серое, низкое, с рваными облаками, сквозь которые пробивалось солнце. Подо мной лодка, долблёная из целого ствола, узкая и вёрткая, с плоским дном, на котором лежала рыба, вёсла, мотки верёвок, глиняный горшок с чем-то и топор. Вокруг была вода. Много воды. Река текла быстро, мощно, с водоворотами, и берега у неё были не пологие, как у Москвы-реки, а скалистые, серые, крутые, в зелёных шапках кустов. Впереди, на расстоянии нескольких сотен метров, поднимался из воды большой остров, тоже скалистый, с обрывами, с лесом наверху. А справа от него, ближе к нам, стоял остров поменьше, и там, на маленьком острове, что-то строили. Я видел свежие светлые брёвна, земляной вал, людей, похожих издалека на муравьёв. Оттуда доносился стук топоров и чьё-то пение.

В лодке сидели двое.

Первый, молодой, лет девятнадцати, был тощий, загорелый до черноты, с длинными руками и вытянутой шеей, как у гусёнка. Голова у него была бритая, а на макушке торчал чуб. Настоящий. Длинный, тёмно-русый, закрученный за левое ухо. Одет он был в рубаху, когда-то белую, а теперь серую, и в широченные синие шаровары, подвёрнутые до колен. Босиком. На поясе нож. Глаза у него были круглые и восторженные, как у ребёнка, которому показали фокус.

Второй был огромный.

Я не преувеличиваю. Есть люди большие, есть люди крупные. А этот был огромный, как платяной шкаф, который решил отрастить бороду. Только бороды у него не было, были усы: длинные, седые, свисающие ниже подбородка, как два моржовых бивня. Голова тоже бритая, чуб седой и толстый, как канат. Лицо загорелое, в морщинах, и шрам через бровь. Руки у него были такие, что весло в них выглядело зубочисткой. Он сидел на корме, держал рулевое весло и смотрел на меня без всякого выражения. С таким лицом, наверное, смотрят на погоду: ну есть она и есть, что тут скажешь.

— Ты кто? — спросил огромный.

Я открыл рот. Закрыл. Подумал. В голове у меня было пусто и звонко, как в пустом ведре. И из этой пустоты, по старой привычке, само собой выскочило то, что я говорил на каждом вебинаре:

— Привет, друзья! Меня зовут Ростислав, и я помогу вам…

Огромный поднял бровь. Ту, которая со шрамом. Молодой открыл рот ещё шире.

— …раскрыть свой потенциал, — закончил я тише.

Наступила тишина. Только река шумела.

— Шо он сказал? — спросил молодой.

— Говорит, звать Ростислав, — сказал огромный. — Остальное не понял.

— А потенциал це шо?

— Не знаю. Може, по-турецки.

— Я не турок, — поспешно сказал я. — Я из Москвы.

Это была первая правда, которую я сказал в шестнадцатом веке. Как потом выяснилось, не самая удачная.

Огромный медленно повернул голову и посмотрел на меня внимательнее. Молодой даже привстал.

— З Москвы? — переспросил огромный.

— Да. Из Москвы. Капотня. Это район такой.

— Московит, — сказал огромный задумчиво. — В красных шароварах. С оселедцем.

Я поднял руку к голове. Оселедец висел у меня на лбу, мокрый, как водоросль. Липучка отстала. Резинка сползла на ухо. Я попробовал поправить, и оселедец остался у меня в руке целиком, вместе с резинкой.

Молодой охнул и перекрестился.

— Дядьку Охрим! Он чуб снял!

— Бачу.

— Сам снял! Рукой!

— Бачу, Грицьку, не слепой.

— Це ж чаклун! Це ж…

— Цыц, — сказал огромный. Он протянул руку, взял у меня оселедец двумя пальцами, повертел, понюхал. Потрогал липучку. Липучка затрещала. Огромный подумал и потрогал ещё раз. Липучка снова затрещала. Тогда он глянул на меня, и в его глазах впервые появилось что-то похожее на интерес. Не уважение, нет. Просто интерес, какой бывает у человека, который нашёл в рыбе пуговицу.

— Накладной, — сказал он.

— Накладной, — признался я. — Для съёмки.

— Для чего?

— Ну… Для образа.

— Для образу, — повторил огромный. — Чуб для образу. Москва.

Он отдал мне оселедец обратно и сказал молодому:

— Греби до Хортицы. Нехай князь подивится.

Пока мы плыли, я узнал их имена. Огромного звали Охрим Довбня, он был куренной атаман, то есть, как я понял, начальник над куренём, над несколькими десятками казаков, которые жили в одном большом доме и ели из одного котла. Молодого звали Грицько, а по прозвищу Шкварка. Почему Шкварка, я спросил.

— Бо тощий, — с гордостью объяснил Грицько. — Як шкварка на сковороде. Сала нема, одна шкурка.

— А тебе не обидно?

— Чего обидно? Казаку без прозвища нельзя. Дядько Охрим, ото, Довбня. Знаешь, шо таке довбня?

— Нет.

— Дубина такая. Сваи забивать. Бо як вдарит, так и сваю забьёт. А есть у нас Тарас Неийсыт, бо ест много, и Панько Засуха, бо горилку не пьёт. И Лысый Хвыля, бо лысый. И есть Петро Нетудыхата. Бо он раз ночью пьяный заплутал и залез не в ту хату. Ото и прилипло.

— А ему не обидно?

Грицько подумал.

— Ему, може, и обидно, — признал он. — Хата то была дьяка московского. Тот его половником выгнал.

Я понял, что попал куда-то, где с личным брендом всё устроено гораздо проще, чем у нас. Никаких логотипов, никаких позиционирований. Один раз залез ночью не в ту хату, и всё, ты бренд на всю жизнь.

Пока Грицько рассказывал, я соображал. Соображать было тяжело, потому что голова болела, и я замёрз. Но что-то в голове складывалось. Скалистые берега. Остров. Казаки с оселедцами, настоящими. Слово «Хортица». Слово «Днипро». Лодка из бревна. Отсутствие в радиусе видимости хоть одного провода, столба, катера или бутылки из-под лимонада.

Я сунул руку за пазуху. Телефон лежал во внутреннем кармане жупана, там же, где я его оставил. Рядом пряник. Телефон был мокрый, но, к моему изумлению, включился: я его покупал с защитой от воды, продавец обещал, что выдержит полчаса на глубине полтора метра. Экран засветился. Сеть отсутствовала. Время показывало двадцать часов сорок минут вторника, двадцать шестого мая. Дата. Год. Батарея тридцать один процент.

Грицько увидел, как засветился телефон, и уронил весло.

— Цыц, — снова сказал Охрим, не оборачиваясь. — Весло лови.

Грицько поймал весло, но глаз с телефона не сводил.

Тогда я сделал то, что делает любой человек в моём возрасте, когда не понимает, где находится. Я открыл карты. Карты, конечно, без сети показали меня серым кружком посреди серого ничего. Тогда я сделал второе, что делает любой человек моего возраста. Я сфотографировал Охрима.

Вспышка у меня была включена. Охрим зажмурился, дёрнулся, рулевое весло ушло вбок, лодка вильнула, а Грицько с криком «свят-свят» перевалился через борт и повис на нём, держась одними руками. Рыба посыпалась в воду. Лещ, который лежал у меня на шее, воспользовался моментом и тоже ушёл в Днепр. Я бы на его месте поступил так же.

Когда всё успокоилось, Грицько вытащили, а рыбу назад не поймали, Охрим посмотрел на меня долгим взглядом и сказал:

— Ещё раз так сделаешь, я тебя, хлопче, сам в Днипро кину. Без сети.

Я убрал телефон. Больше мы до острова не разговаривали.

Остров, на который мы приплыли, оказался тем маленьким, на котором строили. Не очень высокий, скалистый, он стоял у западного берега большого острова, отделённый от него протокой. Мы пристали к деревянным мосткам у подножия. Тут стояло ещё десятка два лодок, некоторые такие же долблёные, а некоторые длинные, широкие, с плетёными бортами, обмотанными камышом. Я посмотрел на них и замер.

Это были чайки. Точь-в-точь как та, в «Диком поле». Только настоящие, тёмные от воды и смолы, и пахли они так же. Смолой и сырым деревом.

Значит, Тимур Альбертович не врал. Копия была действительно в натуральную величину.

Наверх, к стройке, вела тропа. По ней ходили люди. Много людей, человек сто, а может, больше. Все в шароварах, кто в рубахах, кто голый по пояс, все загорелые, почти все с оселедцами. Одни тащили брёвна на плечах, по шесть человек на бревно. Другие копали землю и носили её в корзинах. Наверху, на краю обрыва, уже стоял земляной вал высотой в человеческий рост, а на валу ставили частокол из заострённых брёвен. Стучали топоры. Кто-то пел. Кто-

то ругался. Где-то варили кашу, и запах этой каши догнал меня у самых мостков, и я понял, что не ел с утра.

Охрим вылез из лодки первым, взял меня за шиворот жупана, как котёнка, и поставил на мостки. Ноги у меня подогнулись. Кроссовки хлюпали. Шаровары висели мокрыми парусами. Оселедец я держал в руке, как дохлую ящерицу.

На мостках стоял казак с выбритой головой и чёрным чубом, в рубахе с закатанными рукавами, с пером за ухом. Худой, остроносый, со щетиной, в которой вполне можно было потерять ещё одно перо. В руке у него была дощечка, и на дощечке он что-то царапал.

— Охриме, — сказал он, не поднимая глаз. — Сколько рыбы?

— Была рыба. Нема рыбы.

— Как нема?

— Вот, — Охрим показал на меня. — Вместо рыбы.

Казак с пером поднял глаза. Посмотрел на меня. Посмотрел на оселедец у меня в руке. Посмотрел на кроссовки. Он смотрел долго, внимательно, и в глазах у него было то, что я потом научился у него различать: интерес учёного человека, перед которым положили неизвестного жука.

— Quid est hoc? — сказал он.

— Чего? — спросил я.

— Мартин Гусак, — представился он вместо ответа и слегка поклонился. — Войсковой писарь. Учился в Кракове. По-латыни понимаешь?

— Нет.

— А по-польски?

— Нет.

— А по-гречески? По-турецки? По-татарски? По-волошски?

— Я понимаю по-русски, — сказал я. — И немного по-английски. Уровень А2.

Мартин Гусак заинтересовался ещё больше.

— «А два», — повторил он и записал что-то на дощечке. — Это какой язык?

— Это не язык. Это уровень.

— Уровень чего?

Я хотел объяснить, но понял, что это займёт много времени, а каша пахнет всё сильнее.

— Можно мне поесть? — спросил я.

Это была, наверное, единственная за весь день совершенно правильная фраза. Охрим впервые посмотрел на меня почти одобрительно.

— Сперва допрос, — сказал он. — Потом каша. Потом посмотрим.

Допрашивали меня тут же, у мостков, на бревне. Охрим сел напротив, Мартин рядом с дощечкой, Грицько на корточках сбоку, а вокруг постепенно собрались ещё казаки, человек тридцать. Работа на стройке, судя по всему, временно остановилась. Новости здесь, видимо, распространялись быстрее, чем у нас в чатах.

— Кто ты? — спросил Охрим.

— Ростислав Игоревич Пряников.

— Чей?

— В смысле?

— Чей ты? Чей холоп, чей слуга, чей сын? Кому служишь?

— Никому. Я сам на себя работаю.

Это вызвало оживление. Казаки зашептались. Кто-то сказал: «Вольный, ото добре». Кто-то сказал: «Брешет».

— Откуда?

— Из Москвы.

— Как сюда попал?

Вот тут я задумался. Я ещё не до конца понял, куда попал. Точнее, понял, но не до конца поверил. Как говорит Златов, есть факты, а есть твоё отношение к фактам. Факты были такие: река, остров, казаки, лодки-чайки, частокол, ни одного провода. Моё отношение к фактам было паническое.

— Упал, — сказал я честно. — В воду. С лодки.

— С какой лодки?

— С чайки. Такой, как у вас.

— Где упал?

— В пруд.

— В какой пруд?

— В «Диком поле».

Казаки переглянулись. Охрим переглянулся с Мартином.

— Дикое поле, — сказал Мартин, — это всё вот это вокруг. Степь от Днепра до Дона. Где там пруд?

— Это другое «Дикое поле», — сказал я. — Это этнопарк.

— Шо?

Я понял, что так мы не продвинемся, и решил сменить тактику. Златов учил: если разговор идёт не туда, переходи к ценности. Покажи, что ты можешь дать.

— Послушайте, — сказал я, вставая с бревна. Шаровары, отяжелевшие от воды, тут же поехали вниз, и я подхватил их одной рукой. — Давайте не будем зацикливаться на прошлом. Прошлое не имеет значения. Важно, куда вы идёте. Я эксперт по личному росту. Я помогаю людям раскрыть свой потенциал и выйти на новый уровень дохода. Я могу помочь и вам.

Наступила такая тишина, что стало слышно, как наверху, на стройке, кто-то уронил бревно и выругался.

— Шо он может? — спросил наконец один из казаков, пожилой, лысый, с рыжими усами.

— Помочь, говорит, — сказал Грицько. — Шоб мы вышли на новый уровень. Дохода.

— А мы где?

— На старом, видать.

Лысый подумал и сказал:

— А мне и на старом добре.

Казаки засмеялись. Охрим не засмеялся. Он поднялся с бревна, и я снова поразился, какой он огромный.

— Плавать умеешь? — спросил он.

— Умею, — соврал я.

Я умел плавать по-собачьи. В бассейне «Чайка» на Кропоткинской, в шесть лет, меня учил папа, и я тогда проплыл двадцать пять метров, держась за его руку. С тех пор я плавал только в отпуске, в Анапе, и тоже в основном по пояс.

— Покажи, — сказал Охрим.

Меня раздели до футболки и шаровар (джинсы под шароварами вызвали отдельное изумление, и Мартин долго щупал шов и заклёпки, бормоча по-латыни). Потом подвели к краю мостков. Днепр под мостками крутился тёмными воронками. Течение здесь, у острова, было такое, что щепку, которую бросил Грицько, унесло за три секунды метров на двадцать.

— Плыви, — сказал Охрим. — До той скалы и назад.

Скала была метрах в тридцати. Я посмотрел на скалу. Посмотрел на воду. Посмотрел на Охрима.

— Знаете, — сказал я, — физическая подготовка это, конечно, важно. Но в современном мире ценится в первую очередь интеллектуальный капитал…

— Плыви.

Я поплыл. Точнее, прыгнул с мостков, ушёл под воду, вынырнул, хлебнул Днепра и поплыл по-собачьи против течения, не продвигаясь ни на метр. Течение медленно, но верно уносило меня вбок, к чайкам. Я грёб изо всех сил. Казаки на мостках комментировали.

— Як собака.

— Не, собака лучше плавает. Моя Рябка лучше.

— Твоя Рябка втопилась прошлым летом.

— То она не втопилась, то она до хорунжего ушла жить. Бо там кормят.

— Глянь, а его несёт.

— Ой, несёт. До Чёрного моря донесёт.

— До Очакова. Там его турки выловят и за пять копеек продадут.

— За пять не возьмут. За три.

В итоге меня вытащили багром. Подцепили за шаровары и подтянули к лодке, как бревно. Я выполз на мостки и лёг, дыша, как кит.

— Стрелять умеешь? — спросил Охрим.

— Умею, — выдохнул я.

Я умел стрелять в тире в парке Горького. Один раз выиграл там плюшевого зайца. Правда, заяц был утешительный приз.

Мне дали ружьё. То есть, как я потом узнал, это называлось самопал: длинная, тяжёлая, килограммов на семь, штука с железным стволом и деревянным прикладом, с фитилём, который тлел и вонял. Мне показали, куда смотреть, куда наводить, где держать. Цель была тыква на колу, шагах в тридцати. Я прицелился. Ствол ходил у меня в руках, как удочка, на которую клюнул сом. Мартин Гусак отошёл на всякий случай подальше. Грицько лёг на землю.

Я нажал на спуск.

Сначала ничего не произошло. Потом произошло всё сразу. Порох на полке вспыхнул с шипением, мне в лицо полетели искры, я зажмурился, дёрнулся, и в этот момент самопал выстрелил. Звук был такой, будто рядом со мной взорвалась бочка. Приклад ударил меня в плечо так, что я сел на землю. Пуля ушла куда-то вверх, в небо, и через секунду с ближайшего дуба на нас упала ворона. Мёртвая. Видимо, от испуга, потому что дырки в ней никто не нашёл.

Тыква осталась на колу целая.

Казаки молчали. Потом лысый с рыжими усами снял шапку, подошёл к вороне, поднял её за лапу и торжественно сказал:

— А в ворону попал.

Тут все засмеялись так, что с мостков чуть не попадали. Смеялись долго. Грицько катался по земле. Мартин Гусак смеялся беззвучно, вытирая слёзы рукавом. Один только Охрим не смеялся, а смотрел на меня, и усы у него слегка шевелились. Я тогда ещё не знал, что так у Охрима выглядит смех.

— На коне ездишь? — спросил он, когда все успокоились.

Я подумал, стоит ли врать в третий раз. Решил, что не стоит. Чувствовал, что третий раз будет лошадь, а лошадь это не самопал, лошадь может обидеться.

— Нет, — сказал я. — Не езжу.

— А ну сядь, — сказал Охрим.

Подвели кобылу. Звали её, как мне сообщили, Мотря, и смотрела она на меня так, как смотрит кондуктор на безбилетника. Меня подсадили в шесть рук. Я лёг животом поперёк седла, полежал, развернулся и наконец сел, вцепившись в гриву обеими руками.

— Повод держи, — сказали снизу.

— А где повод?

— В руке у тебя грива. Повод левее.

Мотря постояла, вздохнула, как вздыхает мама над моими бизнес-планами, и пошла. Не туда, куда показывали казаки, а туда, куда ей было нужно, то есть к Днепру, на водопой. Шла

она прямо с мостков, без всякой остановки. На краю мостков она наклонила голову к воде, и я, как санки с горки, съехал у неё по шее и второй раз за день ушёл в Днепр. Вынырнул я рядом с её мордой. Мотря пила воду и смотрела на меня с полным равнодушием.

— Слезать с коня умеет, — объявил Хвыля с мостков. — Быстро слезает. И красиво.

Меня снова вытащили багром, на этот раз за кушак. Охрим молча подождал, пока я отплююсь.

— Саблей рубишь?

— Нет.

— Землю копать можешь?

— Могу, — сказал я, подумав. — Но не хочу.

— Шо можешь? — спросил Охрим.

Я встал. Отряхнул шаровары. Поднял подбородок. Посмотрел на эту толпу загорелых, бритых, усатых, мокрых, хохочущих людей, у которых были самопалы, сабли, чайки и, судя по всему, никакого понятия о том, что такое личный рост. Мне вдруг стало обидно. Я двадцать три года жил на свете. Я написал книгу. У меня было четыреста двенадцать подписчиков.

— Я могу научить вас успеху, — сказал я громко.

— Чему?

— Успеху. Я могу научить вас достигать целей. Мыслить как победитель. Выходить из зоны комфорта.

— Из какой зоны? — переспросил лысый.

— Из зоны комфорта. Это где вам удобно и хорошо.

— А зачем из неё выходить, раз там удобно и хорошо?

Я открыл рот. Закрыл. Над этим вопросом, если честно, я никогда не задумывался.

— Потому что… — начал я. — Потому что рост начинается там, где заканчивается комфорт!

Лысый почесал голову. Потом посмотрел на Днепр, на стройку, на вал, на брёвна, которые таскали голые по пояс казаки.

— Хлопче, — сказал он. — Мы третий месяц на этом острове. Спим на земле, едим кашу, таскаем брёвна, а с той стороны, за рекой, татары. Где тут твой комфорт? Покажи, я туда пойду.

Казаки снова засмеялись. Охрим поднял руку, и смех стих.

— Мартине, — сказал он писарю. — Шо скажешь?

Мартин Гусак долго смотрел на меня. Потом на мой телефон, который я держал в руке. Потом на книгу, которая торчала из сумки, мокрая, разбухшая, с моим лицом на обложке.

— Чужой человек, — сказал он. — Языку нашего не знает, а по-русски говорит чудно, но понятно. Оружия не знает. Работать не умеет. Чуб у него накладной, шаровары на нём поверх других штанов, синих, с медными заклёпками, и такой ткани я не видел ни в Кракове, ни в Венеции. Зеркальце у него светится и молнию мечет. Книжка у него, с его же парсуной на обложке. Значит, богат, раз парсуну свою на книжках печатает. А с другой стороны, если богат, почему такой глупый.

— Шпион? — спросил Охрим.

— Шпион был бы умнее, — сказал Мартин.

Это меня задело, но я промолчал.

— Тогда что с ним делать? — спросил Охрим.

Мартин Гусак пожал плечами.

— Князю показать. Князь любит разное чудное. Пусть сам решает.

— Князь на Большой Хортице, лес смотрит. До вечера не вернётся.

— Тогда пусть до вечера ест кашу, — сказал Мартин. — Ест он, я так думаю, умеет.

Каша была пшённая, с салом, с луком, густая, горячая. Её варили в огромном медном котле над костром, а мешал её здоровенный казак с животом, как бочонок, и с половником,

как весло. Казака звали Харитон, а по прозвищу Пузо. Он насыпал мне в деревянную миску так, что каша лежала горкой, дал деревянную ложку и сказал:

— Ешь, московит. Худой, як Грицько. Двоих таких на всю Сечь нам не надо.

Я ел. Я никогда в жизни не ел ничего вкуснее. Ни у Златова на марафоне в отеле, где был фуршет, ни в той гостинице у Курского вокзала, где поваром работал настоящий итальянец из Твери. Каша была дымная, солёная, с хрустящими шкварками, и я съел миску за две минуты и протянул Харитону обратно.

Харитон глянул на меня с уважением.

— Едок, — сказал он. — Ото добре. Хоть шо-то умеет.

Он положил мне вторую миску. Я съел и её. Потом сел у костра, привалился спиной к бревну, вытянул ноги в мокрых кроссовках к огню и посмотрел в небо. Небо расчистилось, стало высоким, светло-зелёным над закатом. С Днепра тянуло прохладой. Где-то внизу у мостков тихо пели. На валу перекликались часовые.

Рядом со мной на корточках сидел Грицько и смотрел на меня так, как никто, никогда в жизни на меня не смотрел. Даже мама. Мама смотрела на меня с любовью, но и с жалостью. А Грицько смотрел с чистым, ничем не замутнённым восхищением.

— Слышь, Пряников, — прошептал он. — А правда, шо ты можешь научить, як богатым стать?

Я повернул голову. Посмотрел на него.

— Правда, — сказал я.

— А як?

Я подумал. Потом достал из сумки мокрую книгу «Взлёт с нуля», раскрыл её на первой странице, где крупными буквами было написано «Ты достоин большего», и протянул ему.

— Читать умеешь?

— Не, — сказал Грицько.

— Ничего, — сказал я. — Я тебе перескажу. Только сначала скажи. Сколько у тебя есть?

— Чего?

— Денег.

Грицько пошарил в шароварах, достал маленький кожаный мешочек, развязал и высыпал на ладонь. Там было несколько мелких тусклых серебряных монеток, одна медная и рыболовный крючок.

— От, — сказал он. — Всё.

Я посмотрел на эти монетки. И что-то во мне шевельнулось, нехорошее, знакомое. То самое, что шевелилось, когда я писал маме: «Мам, это не мне, это на развитие бизнеса».

Я отогнал эту мысль. Пока отогнал.

— Убери, — сказал я. — Первое занятие бесплатно.

Грицько просиял. А я подумал, что это, кажется, первые слова, которые я сказал в этом веке не как эксперт, а как человек. Подумал и сам удивился.

Потом сверху, с вала, закричали, что идёт князь, и всё вокруг пришло в движение.

Глава 3. Успешный успех

Князь оказался совсем не таким, каким я представлял себе князей.

Я, честно говоря, представлял их по фильмам: толстый, в шубе, в шапке с мехом, с перстнями на каждом пальце и обязательно на троне. А по тропе от мостков поднимался невысокий сухой человек лет сорока, в простом тёмном кафтане без всяких украшений, в забрызганных грязью сапогах, с саблей на боку и с топором в руке. Борода у него была короткая, тёмная, с проседью. Лицо обветренное, быстрые светлые глаза. Шёл он легко, пружинисто, и за ним едва поспевали трое казаков, тащивших на плечах бревно. Топором он, похоже, только что пользовался по прямому назначению: на рукаве у него была свежая щепка.

Казаки вставали, снимали шапки. Охрим поднялся с бревна, и я тоже поднялся, на всякий случай.

— Байда, — шепнул мне Грицько с таким благоговением, с каким мои ровесники говорят про футболистов. — Князь Дмитро Вишневецкий. Его и султан боится, и хан боится. А он никого не боится.

Князь подошёл к костру, поздоровался с Охримом за руку, с Харитоном кивком, понюхал кашу, сказал «пересолил, Пузо», Харитон расцвёл, как будто его похвалили. Потом князь повернулся ко мне.

Посмотрел. Долго. На кроссовки, на джинсы, которые торчали из-под закатанных шаровар, на мокрую футболку с надписью «Think Big» (футболку мне подарили на марафоне Златова, она была на два размера больше и доставала мне до колен). На оселедец, который я держал в руке, потому что не знал, куда его деть.

— Это и есть ваш улов? — спросил князь у Охрима.

Голос у него был негромкий, ровный, с хрипотцой. Таким голосом не командуют, таким голосом спрашивают, и все сразу отвечают.

— Он, — сказал Охрим.

— Говорят, ворону убил?

— Убил, ясновельможный.

— Из самопала?

— Из самопала. В тыкву целил.

Князь задумчиво кивнул. Потом обратился ко мне:

— Как зовут?

— Ростислав, — сказал я. — Пряников. Ростислав Игоревич. Эксперт по…

Я запнулся. Говорить князю «по личному росту» мне вдруг показалось неловко. Рядом с этим человеком, у которого на рукаве была щепка, а сзади стоял недостроенный замок, слово «эксперт» звучало как-то жидковато.

— По успеху, — сказал я.

— По чему?

— По успеху. Я учу людей достигать успеха.

Князь поднял брови.

— А сам ты достиг?

Это был, как говорят на марафонах, вопрос на миллион. Обычно в этом месте я рассказывал про свой путь, про то, как я начинал с нуля, как верил в себя, когда никто не верил, и про то, что настоящий успех это не цель, а образ жизни. Рассказывал минут на двадцать, и к концу рассказа никто уже не помнил, какой был вопрос.

Я посмотрел на князя. На его спокойные светлые глаза. И понял, что двадцати минут у меня нет. Кажется, у меня не было и двух.

— Пока нет, — сказал я. — Но я в процессе.

Охрим хмыкнул. Князь вдруг улыбнулся. Улыбка у него была неожиданно молодая.

— Честно, — сказал он. — Это мне нравится. Мартин, ты его смотрел?

Мартин Гусак подошёл, поклонился и коротко, по-деловому доложил. Рассказал про джинсы с медными заклёпками, про зеркальце, которое светится, про книжку с парсуной и про то, что я говорю, что я из Москвы, но называю её какими-то чужими словами: «Капотня», «этнопарк», «уровень а-два». Рассказал про ворону. Про то, как я плаваю, он рассказал с особенным удовольствием.

— Покажи зеркальце, — сказал князь.

Я достал телефон. Тридцать процентов. Я посмотрел на князя, подумал и выключил вспышку. Потом открыл галерею и показал первое, что там было. Это было видео: мой кот Дедлайн спит на стиральной машине, а машина работает в режиме отжима, и кот вибрирует вместе с ней, не просыпаясь. Видео длилось двадцать секунд и набрало у меня рекордные шестьсот просмотров.

Князь смотрел. Охрим смотрел через его плечо. Мартин смотрел через другое плечо. Харитон бросил половник и тоже смотрел. Грицько смотрел снизу, протиснувшись между ними.

Когда видео кончилось, князь помолчал.

— Кот, — сказал он наконец.

— Кот, — подтвердил я. — Мой. Его зовут Дедлайн.

— На чём он спит?

— На стиральной машине.

— Что это?

— Это… — я задумался, как объяснить. — Это такой сундук. В него кладут бельё, а он его сам стирает. Крутит в воде.

— Сам?

— Сам.

— А кот зачем?

— Просто. Ему нравится.

Князь кивнул с совершенно серьёзным видом, как будто кот на самостирающем сундуке был обычным делом и вопросы вызывал только с точки зрения логистики.

— Ещё, — сказал он.

Я показал ещё. Показал Москву с высоты, с колеса обозрения на ВДНХ. Показал маму, которая красит ногти Люде из сорок восьмой. Показал метро. Показал Златова на фоне вертолёта (тут Грицько застонал от восторга). Показал свою кухню. Показал салют на Девятое мая. На салюте Харитон перекрестился, а Мартин Гусак сел на землю.

Тут телефон пискнул, предупредил, что батарея двадцать процентов, и я его выключил. Пауэрбанк с солнечной батареей лежал у меня в сумке, но я не знал, работает ли он после купания.

Князь долго молчал. Потом сказал, глядя не на меня, а на реку:

— Не знаю, кто ты. И откуда. Москва, говоришь? Мне про Москву много рассказывали. Никто не видал там ни башен стеклянных, ни огненных цветов в небе, ни котов на сундуках.

— Это будет потом, — сказал я, и сразу пожалел.

Князь посмотрел на меня. Быстро и остро, как укол.

— Потом, — повторил он. — А когда потом?

Я понял, что надо выкручиваться.

— Ну, как бы… Это в будущем. Я из будущей Москвы. Через пятьсот лет.

Мартин Гусак, сидевший на земле, перекрестился. Охрим не пошевелился. Князь продолжал смотреть на меня, и я не мог понять, что он думает.

— Мартин, — сказал он наконец. — Бывает такое?

— В Писании не сказано, — осторожно ответил Мартин. — У Аристотеля не сказано. У Плиния про людей с пёсьими головами сказано, а про таких нет.

— А у кого сказано?

— Ни у кого, ясновельможный.

— Ну тогда, — сказал князь, — будем считать, что не бывает. И нам так спокойнее, и ему.

Он повернулся ко мне.

— Слушай, Ростислав Пряников из будущей Москвы. Мне всё равно, откуда ты. Мне надо до осени поставить замок. Вот этот. — Он показал топором на вал и частокол. — Чтобы татарин сюда не пришёл, а если придёт, чтобы ушёл ни с чем. У меня каждые руки на счету. Твои руки, как я слышал, ничего не умеют. Самопал не держат, весло не держат, плаваешь ты как топор. Зато язык у тебя хорошо подвешен. Так?

— Так, — сказал я.

— Ну вот. Здесь у нас кто не работает, тот не ест. Это не я придумал, так всегда было. Даю тебе неделю. До воскресенья. Покажи, что от тебя есть толк. Любой. Хоть успехом своим, хоть кашу варить, хоть рыбу ловить. Если до воскресенья толку не будет, Грицько отвезёт тебя на левый берег, дадим тебе хлеба на дорогу, и иди куда хочешь. Хоть в Москву, хоть в свою будущую.

— А если будет толк?

— Тогда посмотрим, — сказал князь, повернулся и ушёл на вал, где ставили частокол. Через минуту я услышал, как он кого-то распекает за кривое бревно.

Мартин Гусак ещё не ушёл, и я поймал его за рукав.

— Мартин, — сказал я шёпотом. — А какой сейчас год?

Мартин посмотрел на меня с жалостью, как на человека, которого слишком долго держали под водой.

— Лето от Рождества Христова тысяча пятьсот пятьдесят шестое, — сказал он. — Май. Конец мая. А от сотворения мира, если тебе так привычнее, семь тысяч шестьдесят четвёртое.

— Мне так не привычнее, — сказал я.

Тысяча пятьсот пятьдесят шестой. Я прикинул в уме. Получалось ровно четыреста семьдесят лет, день в день. Даже с учётом пробок на Каширском шоссе я опоздал очень сильно.

Я стоял у костра с оселедцем в руке и думал. Неделя. До воскресенья. Показать толк. Не самая плохая постановка задачи, если подумать. Златов на своих марафонах давал на «выход в доход» семь дней. Вот и мне дали семь.

— Хлопцы, — сказал я громко. — А можно мне сегодня вечером с вами поговорить? Всем вместе, у костра? Я хочу провести одно… занятие.

Казаки переглянулись.

— Шо за занятие? — спросил Лысый Хвыля, тот самый, с рыжими усами.

— Бесплатное, — сказал я. — Вводное. О том, как стать успешным.

— Горилка будет? — спросил кто-то сзади.

— Нет.

Интерес заметно упал.

— Зато будет пряник, — быстро сказал я.

Интерес поднялся снова. Я полез за пазуху и достал свой тульский пряник. Он был в прозрачной обёртке, обёртка выдержала Днепр, и пряник внутри был сухой, большой, с выпуклым узором и надписью «Тула». Казаки придвинулись ближе. Я поднял пряник над головой, как кубок.

— Вот, — сказал я. — Главный приз. Достанется тому, кто сегодня вечером сделает самый большой шаг к своей мечте.

— Пряник, — сказал Охрим за моей спиной. Сказал задумчиво, словно пробуя слово на вкус. — Ты, значит, теперь Пряник.

— Почему? — спросил я.

— Бо Пряников. И бо пряником манишь. Как коня.

Казаки захохотали. Слово полетело по костру, и через минуту я услышал, как кто-то у котла говорит другому: «Там Пряник пряником всех манит». Так у меня появилось прозвище. Я, если честно, не возражал. Златов полгода и сорок тысяч рублей потратил на неймингового агента, чтобы тот придумал ему «Арсений Златов: Золотой стандарт». А мне бренд сделали за одну секунду и бесплатно.

Вечером у костра собралось человек сорок. Почти весь Охримов курень и ещё из соседних. Пришли из любопытства, после работы, с мисками в руках. Харитон снова наварил каши, на этот раз с рыбой. Солнце село за правый берег, небо стало тёмно-синим, на нём выступили звёзды, такие яркие и такие частые, что я сначала не узнал небо. В Капотне звёзд не видно. В Капотне видно факел нефтезавода, и я с детства думал, что это самая яркая звезда.

Я встал у костра. Огонь подсвечивал меня снизу, как кольцевая лампа. Жупан высох и стал похож на халат. Шаровары я подвязал кушаком повыше. Оселедец решил не надевать: после истории на мостках это было бы неуместно. Пряник лежал на бревне, на видном месте, рядом с книгой «Взлёт с нуля».

Сорок пар глаз смотрели на меня. Сорок бритых голов, сорок пар усов, сорок мисок.

Я глубоко вдохнул и начал так, как начинал всегда.

— Друзья! Поднимите руку, кто хочет стать богатым!

Никто не поднял руку. Казаки ели кашу.

— Так, — сказал я. — Хорошо. Поднимите руку, кто доволен своей жизнью?

Подняли все. Сорок рук, в каждой ложка.

Такого я не ожидал. На моих вебинарах на этот вопрос руку не поднимал никто. Это был самый надёжный вопрос: сначала люди признаются, что недовольны, потом ты им объясняешь, почему, потом продаёшь им решение. Схема работала всегда. Даже Вовка Синичкин не поднимал руку.

— Вы уверены? — спросил я.

— А чего ж, — сказал Хвыля. — Воля есть, каша есть, Днипро есть. Сабля есть. Татарин рядом, есть с кем побиться. Чего ещё?

— А деньги? — спросил я.

— А шо деньги?

— Вы хотите больше денег?

Казаки задумались. Кто-то сказал «Ну, можно». Кто-то сказал «А куда их тут». Кто-то сказал, что в прошлом году под Очаковом взяли добычу, так её всю пропили в Черкассах за неделю, и было очень весело, и что если ещё денег, то ещё раз будет весело.

Я понял, что надо менять подход. Нельзя продавать людям то, что им не нужно. Это я понял ещё в колледже, когда пытался продать постояльцу гостиницы платную подушку для беременных. Постоялец был мужчина пятидесяти лет. Нужен был другой подход. Найти боль. Где у них боль?

— Хорошо, — сказал я. — Давайте по-другому. Кто из вас мечтает о чём-нибудь?

Пауза.

— Я, — сказал Грицько и поднял руку. Единственный.

— Отлично! О чём ты мечтаешь, Грицько?

— Шоб у меня был конь, — сказал Грицько. — Вороной. И шоб сабля дамасская. И шоб жупан красный, як у князя на праздник. И шоб все говорили: от Грицько идёт. Не Шкварка, а Грицько. Шоб уважали.

— Вот! — Я показал на него рукой. — Вот это я понимаю! Вот это мечта! Грицько, ты хочешь стать брендом!

— Кем?

— Брендом. Это когда тебя все знают и уважают. Когда твоё имя само по себе стоит денег.

— А у меня уже имя есть, — сказал Грицько. — Шкварка.

— Это не бренд, это прозвище. Бренд это когда ты сам себя называешь. Как ты хочешь, чтобы тебя называли?

Грицько подумал.

— Грицько Вороной, — сказал он мечтательно.

— Потому что конь вороной?

— Ага.

— Но коня у тебя нет.

— Нема, — вздохнул Грицько.

— А вот здесь, — сказал я и поднял палец, — главный секрет! Секрет номер один! Не надо ждать, пока у тебя будет конь. Надо сначала стать Грицьком Вороным. Внутри. И тогда конь придёт к тебе сам!

Повисла тишина. Казаки смотрели то на меня, то на Грицька.

— Сам? — переспросил Хвыля.

— Сам, — твёрдо сказал я. — Это называется закон притяжения. Подобное притягивает подобное. Если ты думаешь как богатый, ты становишься богатым. Если ты думаешь о коне, ты притягиваешь коня.

Хвыля почесал лысину.

— Хлопче, — сказал он. — Я двадцать лет думаю о бабе. Шо-то ни одна не притянулась.

Костёр взорвался хохотом. Смеялись так, что Харитон опрокинул половник в кашу и полез его доставать. Охрим, который сидел в стороне на бревне и курил люльку, выпустил дым колечком, и усы у него снова зашевелились.

Я понял, что теряю аудиторию. Это худшее, что может случиться на вебинаре. На вебинаре в этом случае помогает срочность.

— Хорошо! — крикнул я, перекрывая смех. — Хорошо! Кто хочет узнать второй секрет? Он работает только сегодня! Только для тех, кто здесь! Завтра этот секрет будет стоить денег!

Это подействовало. Смех стих. Казаки, как и все люди, очень не любят, когда что-то бесплатное становится платным.

— Шо за секрет? — спросили сзади.

— Секрет номер два, — сказал я. — Зона комфорта.

— Опять он про зону, — простонал кто-то.

— Да! Опять! Потому что это главное! Вы сидите здесь, на острове. Вам тут хорошо. Каша, воля, Днипро. А мир огромный! Есть Москва, есть Краков, есть Венеция! А вы сидите здесь!

— Так мы ж замок строим, — сказал Харитон из-за котла.

— Вот! Вот именно! Вы строите замок! А надо строить не замок, а себя! Надо выйти из зоны комфорта, поехать туда, где страшно, где ты ничего не знаешь, где…

— Так мы туда и ездим, — сказал Хвыля с некоторым недоумением. — Под Очаков. Под Ислам-Кермен. Под Перекоп. Где турок с татарином. Там страшно и не знаешь ничего.

— А тут чего? — спросил я, теряясь.

— А тут мы отдыхаем.

— Отдыхаете? Таская брёвна?

— Ну да. Брёвна носить не страшно. Брёвна не стреляют.

Я замолчал. У меня кончились секреты. Точнее, они ещё были, их было много, весь марафон «Внутренний казак», семь дней, но все они почему-то вдруг перестали казаться мне секретами. «Оседлай себя». «Шаровары возможностей». «Чуб как символ фокуса». Я стоял перед людьми, у которых были настоящие чубы, настоящие шаровары, которые седлали коней каждый день, а не себя, и думал: как это всё им продать?

Когда я не знаю, что делать, я перехожу к отзывам. Перешёл и в этот раз.

— Хорошо, — сказал я. — Давайте спросим у Грицька. Грицько, ты уже сделал шаг к своей мечте?

— Який шаг? — спросил Грицько.

— Ты назвал себя Грицько Вороной. Как ты себя теперь чувствуешь?

Грицько подумал. Потом встал. Расправил тощие плечи. Посмотрел на костёр, на звёзды, на Днепр.

— Як Вороной, — сказал он тихо.

И что-то в его лице было такое, что смеяться никто не стал. Даже Хвыля.

— Пряник Грицьку! — крикнул я и протянул ему тульский пряник.

Грицько взял пряник двумя руками, как реликвию. Повертел его, понюхал. Потом аккуратно развернул обёртку, и обёртка зашуршала. Казаки придвинулись ближе. Все смотрели на пряник. Грицько откусил кусок, медленно, с хрустом. Прожевал. Закрыл глаза.

— Мёд, — сказал он. — И ещё якесь варенье. Дядьку Охрим! Тут внутри варенье!

— Поделись, — сказал Охрим.

Грицько, ни секунды не раздумывая, разломил пряник. Потом ещё раз. Потом ещё. Пряник разошёлся по костру крошками, каждому по крошке, и каждый пробовал, и каждый что-нибудь говорил. Кто-то сказал «добре», кто-то сказал «сладко», а Харитон сказал, что в такой пряник надо класть больше мёду и меньше этого варенья, и что он знает, как сделать лучше.

А Грицько сидел на бревне, держал в руке пустую обёртку с надписью «Тула» и улыбался.

Я смотрел на всё это и не понимал, что происходит. Вебинар у меня провалился полностью. Ни одной продажи. Ни одного «вау». Аудитория смеялась надо мной в открытую. А при этом все довольны, все едят пряник, и Грицько чувствует себя вороным конём.

Охрим подошёл ко мне, когда все стали расходиться. Пыхнул люлькой.

— Чудно говоришь, Пряник, — сказал он. — Половины не понял. Про зону эту.

— Комфорта.

— Ага. Про неё не понял. А про то, шо хлопец сам себя назвал, это добре. Хлопцу это надо. Он у нас сирота, шкварка, его все гоняют. А ты ему сказал: ты Вороной. Ото и всё.

Он помолчал.

— Только коня ему не обещай, — сказал он. — Конь сам не придёт. Конь не дурень.

Ночью я лёг у костра, завернувшись в жупан, рядом с Грицьком. Грицько спал, обняв обёртку от пряника, как плюшевую игрушку. Над головой были звёзды. Днепр шумел внизу, у острова, перекатывался через камни. На валу тихо переговаривались часовые.

Я лежал и думал, что, наверное, я сошёл с ума. Что я сейчас лежу в пруду в «Диком поле», в коме, или меня уже везут в больницу, и всё это мне снится. Но каша была настоящая, я до сих пор чувствовал её вкус. И плечо после самопала болело понастоящему. И звёзды были такие, каких не бывает ни в каком сне.

Я подумал про маму. Про то, что она, наверное, уже звонит мне, а я не отвечаю. Про кота Дедлайна. Про Вовку, который так и не получит свои четыре девятьсот девяносто. Про кредит, который теперь, видимо, придётся платить через пятьсот лет.

Потом подумал, что у меня неделя. До воскресенья. Показать толк.

И уснул.

Утром меня разбудил Охрим. Пнул легонько ногой в бок и сказал:

— Вставай, Пряник. Пойдёшь на перевоз. За рыбой. Будешь Ярине помогать. Раз ты по деньгам мастер, вот и посмотрим. Она там с купцами торгуется. Нехай она тебе покажет, шо таке успех.

Он подумал и добавил:

— Только с ней не спорь. Она злая.

Перевоз был на левом берегу Днепра, напротив Хортицы. Туда меня отвёз Грицько на долблёной лодке, и всю дорогу пел про какого-то казака, у которого конь был вороной. Песня была грустная, а пел он её очень весело.

На левом берегу была небольшая бухта, песчаный пляж, несколько куреней из жердей и камыша, коптильня, из которой шёл сизый дымок, большой паром из связанных брёвен, причаленный к столбу, и длинный стол из досок, за которым стояла девушка.

Девушка была невысокая, крепкая, загорелая, в белой сорочке с вышивкой по вороту, в тёмной юбке, подоткнутой за пояс, босая. Тёмные волосы заплетены в одну толстую косу, коса закручена вокруг головы. На поясе у неё висел нож, связка деревянных палочек с зарубками и кожаный мешочек. Она стояла за столом и разговаривала с двумя людьми, по виду купцами. Купцы были в длинных халатах, в тюбетейках, у одного седая борода. Разговаривали они громко и все трое одновременно.

Грицько пристал к берегу и прошептал:

— Ото она. Ярина. Панасова дочка. Ты, Пряник, с ней тихо. Она меня в прошлом году веслом.

— За что?

— За то, шо я ей сказал, шо она красивая.

— А она что?

— А она сказала, шо красоту в котёл не положишь, и веслом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.